

В поисках земли обетованной

Ариан Мнушкин поставила спектакль о беженцах

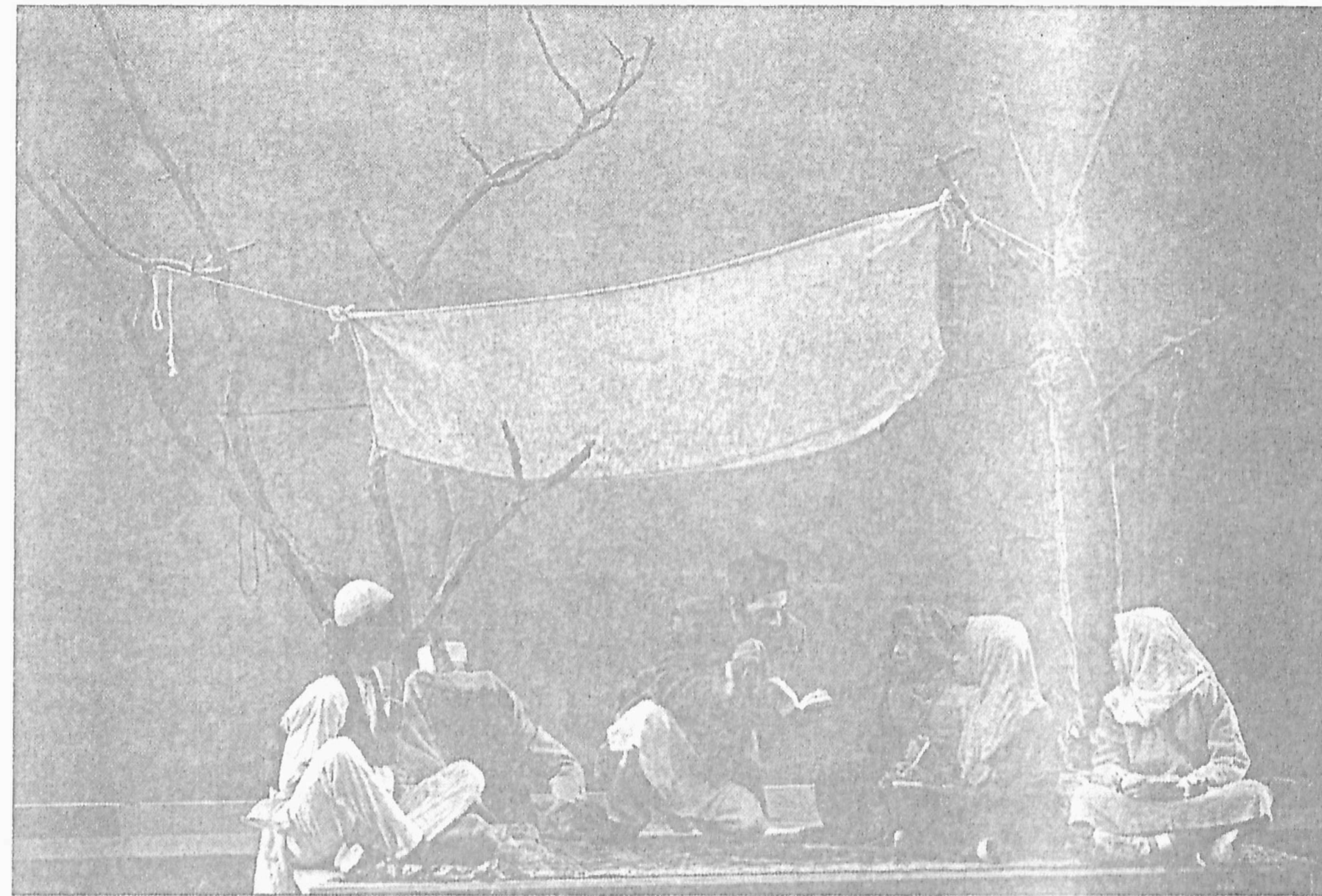
Спектакль "Последний караван-сарай" Театра Солнца (Théâtre du Soleil) начинается на границе двух стран где-то в Средней Азии. Беженцы переправляются на лодке, держась за натянутый между берегами трос, по бурлящим волнам из полотен холста. Грохот воды заглушает крики людей, которые готовы платить по 500 долларов, чтобы попасть на другой берег на их пути в благословенную Европу.

За свою 39-летнюю историю Театр Солнца уже не в первый раз выступает в жанре политического манифеста. Он боролся против ужасов, творившихся в Кампучии, поддерживал тибетских беженцев в их попытках добиться автономии Тибета. Сейчас на бетонной сцене театра, обосновавшегося с 1970 года в бывших оружейных мастерских в Венсенском лесу под Парижем, актеры, собравшиеся со всех концов мира в труппу Ариан Мнушкин (Ariane Mnouchkine), рассказывают в коротких трагикомических сценах истории странствий беженцев из многих стран мира в спектакле "Последний караван-сарай, или Одиссея".

Актеры и декорации — дома, скамейки, телеграфные столбы, автобусные остановки, телефонные будки — выкатываются на серую гладкую сцену на щитах с роликами. Иногда, словно избушки на курьих ножках, дом или фургон поворачиваются передом или задом к публике, и актеры входят в них. Этот эффект создает у зрителя впечатление, что за актерами наблюдает камера репортера.

В течение трех часов перед нами проходит череда человеческих трагедий, заставляющих людей из Африки, Азии, Америки, Восточной и Южной Европы покидать их дома (а нередко и развалины домов), чтобы пускаться в странствия пешком, в холодильных фургонах, на крышах поездов, на плотках. Цель — любым путем добраться до крепостей благополучия и довольства — развитых стран Европы и Америки.

Иранская семья продает свой дом, чтобы отправить детей за границу, — через 10 сцен дети звонят из телефонной будки лагеря беженцев и рассказывают, что живут в роскошной квартире на Елисейских Полях в Париже, чтобы успокоить родителей. Афганский парень бежит из страны после того, как его девушка публично повешена талибами за "порочную любовь без брака". Сдержанные голоса настоящих

Сцена из спектакля "Последний караван-сарай"

беженцев, записанные на магнитофон, перемежают сцены отчаяния. Ничего лишнего ни в музыке, ни в освещении, никакой ложной патетики. Зритель получает возможность в течение почти 3 часов видеть безжалостную действительность, на показ которой в теленовостях уходит обычно не более 3 минут в день. Как писала газета Le Monde, "этот спектакль заставляет нас заново обрести человечность".

Дочь еврейского эмигранта из России Ариан Мнушкин знает не понаслышке то, о чем рассказывает в этом печальном и изобретательном спектакле. Может быть, поэтому политический манифест и находит в нем адекватную театральную форму.

После окончания спектакля мне удалось поговорить с одной из актрис, принимавших в нем участие, нашей соотечественницей Еленой Лукьянчиковой. Вот ее рассказ.

— Когда я приехала в Париж, стала искать возможность попасть на стажировку к Ариан Мнушкин. Я видела в Москве только ее тибетский спектакль, но дух этого театра всегда был близок тому, что я пыталась делать еще в России. Я никогда не забуду, как приехала в первый

Е. Лукьянчикова

раз на прослушивание, подготовившись читать чеховского "Медведя" на французском. Но Ариан нас только расспросила, почему мы хотим участвовать в этом проекте. Заявки подали около 1500 актеров со всего мира. Ариан отобрала 300 человек для участия и еще 100 в качестве зрителей. Мы работали 10 дней, и потом 15 человек отобра-

ли в труппу. Нас там 36 актеров, а если считать вместе со всем персоналом — 80 человек, но мы как одна семья. Спектакль готовился с 2001 года. Ариан записала на магнитофон многие сотни интервью с беженцами, но мы, актеры, этого еще не знали. Каждый день работы проходил так. Мы собирались в 8.30 на кухне театра — самом святом месте

после сцены. Никто никогда не опаздывал. Потом — разминка, работа с телом, ощущение своего тела в пространстве, дыхание, растяжка.

Это дает настрой, концентрацию, собранность, точность движения.

Мы просмотрели множество десятков документальных фильмов об Иране, Афганистане, о лагерях беженцев, таких, как Сангатт на севере Франции, смотрели по 2 — 3 фильма в день, чтобы понять события изнутри.

Ариан нам дала список мест, где разыгрываются сцены спектакля: остановка автобуса в Кале, на северном побережье Франции, граница между Турцией и Ираком, телефонная будка в Москве.

Мы разбивались на группы, и каждый предлагал свое видение события. Сцены из жизни беженцев возникали как вспышки в сознании... Мы обсуждали, находили персонажей в течение 10 — 15 минут, и с этого начиналась коллективная импровизация, так мы занимались почти по 12 часов в день. Каждый день мы выбирали костюмы и грим для наших персонажей. Ариан не стремилась воссоздать на сцене реальные ситуации, сделать документальный спектакль. Для нее был важен дух событий, судьбы людей. Все декорации под каждую сцену были изготовлены самими актерами. Мы репетировали с сентября 2002 года до начала апреля 2003-го.

Наши сценки фотографировались и снимались на видео, и Ариан комментировала каждую из них, а ее ассистент записывал текст, и потом она отбирала то, что вошло в постановку. Мы сделали 300 импровизаций, и Ариан отобрала 120 из них. В первую часть спектакля вошло только 20.

Ариан — невероятно честный и порядочный человек по отношению к самой себе и к другим. Для нее этот спектакль жизненно важное событие — она настолько поглощена им, что даже иногда во время просмотра наших сцен не могла сдержать слез. Честно говоря, я до сих пор не могу поверить в это чудо — я попала в Театр Солнца и участвую в этом спектакле, где нет главных и второстепенных ролей. Где нет ни тщеславия, ни самолюбования, что, согласитесь, не так уж часто бывает в театре.

Александр ГАНКИН
Париж